

Г.В. Зыкова (Москва, Россия)

Всеволод Некрасов о Козьме Пруткове и Алексее Константиновиче Толстом

Аннотация: Работа представляет собой обзор высказываний поэта-концептуалиста Вс.Н. Некрасова о Козьме Пруткове, поэзии А.К. Толстого – одного из создателей маски Козьмы, об органичности связи лирического и «прутковского» начал в творчестве Толстого, о «прутковском» у некоторых современников Некрасова. Создание маски Пруткова Некрасов понимал как плодотворную попытку «обезвредить» потенциально опасные последствия русского литературоцентризма; то, что делали создатели Пруткова, провоцировавшие своих читателей, зрителей и коллег, – как нечто родственное современному искусству ситуации, собственно концептуализму. Некоторые из комментируемых текстов Некрасова публикуются в статье впервые и извлечены из материалов личного архива писателя (расшифровок устных выступлений, отчетов для Всероссийского театрального общества, черновых набросков и т. д.).

Ключевые слова: Вс.Н. Некрасов, А.К. Толстой, Козьма Прутков, А.Я. Сергеев, М.Е. Соковнин, концептуализм

G.V. Zyкова (Moscow, Russia)

Vsevolod Nekrasov about Kozma Prutkov and Alexey Konstantinovich Tolstoy

Abstract: This article discusses how the conceptual poet Vs.N. Nekrasov talked about Kozma Prutkov as a literary persona, A.K. Tolstoy as the most prominent of Kozma's creators, and "prutkovskian" traits in contemporary literature and A.K. Tolstoy's prose. For Vs. Nekrasov the making of Prutkov was a fruitful attempt to "neutralize" some potentially dangerous consequences of so-called "literature-centrism". Some of the texts under analysis were taken from Vs. Nekrasov's personal archives (transcripts of speeches, reports for the Russian Theatre Society, drafts, etc.) and are now published for the first time.

Keywords: Vs.N. Nekrasov, A.K. Tolstoy, Kozma Prutkov, A.Ja. Sergeev, M.E. Sokovnin, conceptual art

То, что для XX в. с его умением ценить абсурдное Козьма Прутков – явление более важное и интересное, чем для XIX, в общем, понятно; но, насколько нам известно, сколько-нибудь систематически история обсуждения Пруткова в XX в. не описывалась, хотя некоторые ключевые ее моменты (Прутков и «Кривое зеркало», «Сатирикон», Олейников, Хармс) хорошо известны.

Цель этого сообщения – предъявить с некоторыми пояснениями и в хронологическом порядке высказывания о Пруткове, принадлежащие поэту Всеволоду Николаевичу Некрасову (1934–2009), который в 1960-х входил в так называемую «лианозовскую школу», а в 1970-х стал одним из создателей русского концептуализма.

А.К. Толстой с его Прутковым появляется в рассуждениях Вс. Некрасова тогда, когда речь заходит о ключевых для него эстетических принципах.

От других авторов, ценивших создание Толстого и Жемчужниковых – от Достоевского до «правнука Пруткова» Олейникова, Вс. Некрасов отличается тем, что никогда не «использовал» прутковскую манеру напрямую, и вообще не был «юмористом» (чувство юмора Вс. Некрасова проявлялось в стихах совсем другого, эпиграмматического типа). Даже и цитируется Прутков у Вс. Некрасова, насколько мы знаем, только однажды («господа офицеры / Гайдар отпустил цены»).

Что касается степени известности / опубликованности высказываний Вс. Некрасова об А.К. Толстом, то она в значительной степени определяется их характером, в том числе жанровым: это устные выступления, отчеты для ВТО, черновые наброски; как письменный текст они публично воспроизводились в основном после смерти автора.

В устных выступлениях конца 1970-х – начала 1980-х гг. (есть в авторской рабочей машинописи, напр. [8], и машинописной расшифровке не сохранившейся аудиозаписи доклада о Мандельштаме 1981 г.: [7]) формулируется мысль об эволюционной необходимости фигуры, которая «предъявляет счет литературе: и не просто литературщине, литературной рутине, но литературе как таковой, литературе как социальному институту («Автор осуществляется в литературе, именно ступая за рамки литературы, прибавляя таким способом к литературе еще кое-что – это <...> нормальное конструктивное противоречие, литература, можно сказать, и прирастает, и живет этим процессом. А когда перестает прирастать и обновляться – начинает мертвоветь, как всё живое. И очень часто конфликт осознается, переживается автором как не только отрицание литературщины, но оппозиция к литературе и литературности вообще <...>. Кажется, что для русской литературы эта самокритичность особенно актуальна как борьба против литературоцентризма, против постоянной тяги к централистским, иерархическим стереотипам сознания» [8]).

Разговор о литературной маске Пруткова в конце концов сменяется разговором о поэте Алексее Константиновиче Толстом, и Прутков, обычно воспринимаемый все-таки и как результат коллективного творчества, и как автономное целое, для Вс. Некрасова скорее часть поэтической личности Толстого, существующая именно в соотнесенности с толстовской «серьезной лирикой». Опыт А.К. Толстого, создателя Пруткова и замечательного лирика, оказывается нужен Вс. Некрасову как доказательство того, что литературная рефлексия совершенно не исключает возможности «поэзии – в самом классическом, лирическом, человеческом смысле – только не рутинном» [5] (заметим, что это не укладывается в рамки упрощенных и потому, видимо, многим удобных представлений о концептуализме и «постмодерне» вообще). В 1989 г. Вс. Некрасов пишет: «...А вот еще великий поэт, хоть великим и не объявленный, – А.К. Толстой. О сценических его произведениях разговор особый. <...> театр, который бы сумел стать театром Козьмы Пруткова, вписал бы, что называется, свое имя в историю золотыми буквами. Но пока охотников было – один-два и обчелся. Похоже, театр Пруткова – задача очень непростая. Хотя афоризмы или гисторические анекдоты почему бы, нам кажется, и не попробовать на публике. <...> есть, всегда будет соблазн подойти к лириче-

ским, классичным стихам Толстого облегченно, в лоб, сделав из них образцовую стилизацию. То есть забыв, сбросив для простоты со счетов пародийного Прутковва. Как это, говорят, и делали декламаторы давних времен, извлекая из Толстого сплошное умиление. Прутков для них был чем-то случайным, неважным, побочным – как у нас теперь говорят, маргинальным. Но Толстой на самом деле тем и притягивает, что он художник на редкость целостный – более, чем, скажем, тот же Некрасов. Знаменитый романс «Колокольчики мои...» и «Пия душистый мед цветочка» сочинения Козьмы Пруткова – на самом деле одно и то же с разных сторон. Одна рука, один автор. Просто эти разные стороны могут быть разнесены далеко, но одна другую не должны терять из виду. Такая нераздельность, взаимообусловленность поэзии и иронии может затруднить, сбивать с толку. А поэтому самые известные и самые, кстати, выигрышные, озорные вещи Толстого – они же самые замечательные, программные, – как раз те, где ирония и пафос, историческое предание и злободневность, сказка и явь сближены воочию максимально, столкнулись в остром комичнейшем анахронизме, сам комизм которого жив прежде всего торжеством некой исторической правоты, нравственного чувства истории, моралью. Хоть даже и сказочной истории – исторической сказки, предания... Сегодня это нам как нельзя более близко» [9].

Интерес к Пруткову с ранней молодости разделял с Вс. Некрасовым близкий к нему замечательный поэт и прозаик М.Е. Соковнин (1938–1975); наиболее очевидным образом это проявлялось в комической архаизированности стиля¹ и комической дидактизме тона² некоторых фрагментов его «Книги, называемой Вариус». Заметим, правда, что узнаваемая интонация Вариуса, героя и «говорящего» в «Книге...», все-таки не сводится к пародийности, не связывается жестко с тем, что можно назвать, допустим, социальным или каким-то другим «типом»: здесь всегда ощущается некоторый не поддающийся простому описанию индивидуальный «остаток», «избыток»; в этом Соковнин отличается от создателей Пруткова, точнее, его Вариус от Козьмы как маски. Более прямое и простое следование Пруткову как частный случай встречается в некоторых «Рассказиках» А.Я. Сергеева³ (написанных, кстати, примерно тогда же, когда и «Вариус»: в конце пятидесятых – начале семидесятых годов).

«Прутковское» начало было у Соковнина, кажется, не только в текстах (друг Соковнина К.К. Доррендорф вспоминает: «Соковнин предложил мне <в 1962 г.> дать философское определение <...> телеги. <...> Агрегат для достижения цели. – Соковнин был страшно доволен, сказал, что я его порадовал, он и предполагал, что я именно такого направления мыслей» [2: 93]).

Для Некрасова «прутковское» в Соковнине – важнейшая черта, связанная прежде всего с обстоятельствами создания главной вещи Соковнина – прозаического «Вариуса» – в соавторстве, когда литература вырастает не просто из живой речи, а из разговора, «творится <...> миром» [3]; в не публиковавшихся Некрасо-

¹ «Среди из ряда выходящих вон мест не зря считаются Сосенки, где и была устроена дедами нашими мельница, что на Малиновом ручью...» («Супротив», [14: 36]).

² «Было и такое дерево, которое вместо того, чтобы расти, росло внутрь себя, стараясь таким способом дойти до своего корня» («Притча», [14: 39]).

³ «На постоялом дворе Лейбниц приказал дать коню меру овса.

Присматривавший за лошадьми горбун для начала всыпал в донник половину требуемого.

– Ну, это полумера, – заметил философ» («Философ и конюший», 1971 [15: 93]). Сергеев сочувственно говорил о Соковнине (например, о его переводах из Теннисона) в девяностые; вопрос о том, знали ли они тексты друг друга при жизни Соковнина, пока остается открытым.

вым фрагментах воспоминаний о Соковнине (начало 1990-х?) мысль о соавторстве как значимом факте творческой истории «Вариуса» тоже есть и развивается, пожалуй, даже подробнее, но там есть и другое: произведение (результат общения с соавтором) оборачивается ситуацией общения с читателем; конечно, здесь очень узнаваемая черта искусства XX в., но Некрасову важно, что способность создавать «искусство ситуации», которую мы привыкли связывать с постмодерном, была свойственна классической эпохе русской литературы, по крайней мере А.К. Толстому с его Прутковым: «...Вариус больше, думаю, похож на Пруткова <...> и стилизованностью, особой манерой, архаичностью. И универсальностью, энциклопедической разножанровостью. И особым чувством текста как длящегося действия, ситуации, как твоего общего с читателем положения, общения с ним. Того самого начала, которое стали называть концептуализмом...» [4: 157]

Вспоминая о Толстом и его Пруткове очень часто, Некрасов, насколько мы знаем, только однажды попытался «монографически» подробно обсудить конкретную толстовскую вещь – «Змея Тугарина», показать, как именно могут объединяться, насколько не мешая друг другу, лирика и ирония. В личном архиве сохранилась авторская машинопись с правкой, предположительно конца 1980-х – начала 1990-х гг. Мы опубликовали эти наброски совсем недавно и только в Сети, так что позволим себе здесь привести их почти без купюр.

«Тугарин. Несентиментальное отношение к старине. <Как предположила Е.Н. Пенская, Некрасов спорит здесь, видимо, с А.С. Янушкевичем.> Несентиментальное отношение к зрелищу заката, к лунному свету, к утру тоже возможно, но довольно бессмысленно, если речь идет о поэзии. У Толстого отношение к старине вполне, откровенно сентиментально, но так не называется. Это бессмысленно – называется оно поэтическим и в качестве такового сентиментальным быть не может. <...>

Радость рождения легкой, живой речи, разговорной, естественной интонации из таинственного, устрашающего балладного амфибрахия = радость высвобождения поэзии из чужих лап, норовящих ей злоупотребить и спекулировать. Освобождение поэзии от идеологии, мира дорогой сердцу старинности (не смешивать с реальной стариной – которая, впрочем, как цель исторической науки тоже достаточно идеальна как абсолютная истина) из-под власти изоляционистских и тоталитаристских умственных построений. Конечно, миф – но это-то здесь и рождает ликование: Толстой миф мифом вышибает. Хватит летать Тугарину на бумажных крыльях – Леонтьеву, Каткову, Победоносцеву <...>

От балладного страха рока освобождает, переводя из личного плана в исторический, и из событийного – в план мнений, в которых каждый сам не может быть себе не волен. Вторая «Светлана». Если бытие определяет сознание все-таки не совсем до конца – то и предки радуются.

Литературоцентризм и как с ним бороться – нерв всего Толстого. Первый писатель, потешающийся над писательством, – Козьма Прутков. Литература боится Хармса, как школьный урок анекдота; Прутков – едва ли не первый Хармс.

Литературоцентризм – российская проблема, и российский парадокс – никто кроме самой же литературы дело тут не поправит. Когда пытаются поправлять и направлять литературу со стороны, свыше, сбоку, сверху – это хуже всего. Поэтому она сама обязана брать поправку на свою недостаточность, какой-то дельта-коэффициент постоянного приращения и самооспаривания, за собой приглядывать, чтобы быть самостоятельной, не быть самодовольной. Не искать себе какого-то «дела», а быть делом. Тем самым: «хорошо сделанное дело уже есть богослужение». Строка Блока боится насмешки, боится строки Олейникова или Хармса, боится того же «Мишеля Синягина», того же Маяковского. Строка Мандельштама – нет, она уже с опытом, упрочненная, кристалл – попробовали на зуб – зуб сломался. Строка Мандельштама сама берет поправку на строку Хармса, та в нее вплавлена, слита. Но это когда будет, после черной дыры пе-

ред Серебряным веком, самым этим дурным веком, дионисийства и музыки революции. А пока эти строки существуют еще раздельно, но уже во взаимодействии внутри поэзии Толстого. Общей системы, куда вписывается и Прутков, и баллады, и лирика – и Тугарин где-то ближе других к середине. Тут речь и баллада, смех и страх сталкиваются строка к строке, если не сливаются, то удивительно активизируют, освежают друг дружку. Как лирик Толстой числится где-то четвертым или пятым в русской поэзии, а “синее море, которое их” – из первых морей (если не первое) в русской поэзии. Случайно, сдуру, зря так не бывает. А вообще пестрый мир Толстого – не пушкинский (или полонский) универсализм, не театр-маскарад мирискусников и Серебряного века – а тот самый случай: надлитературности, освобождение литературы от литературщины, литература оспаривает себя, становится чем-то еще, чуть большим – и таким способом снова осуществляется. В обличии пародии и парафраза, а по сути опять – освобожденность» [6].

Интерес к А.К. Толстому характерен для литературного и академического окружения Некрасова (см. работы Е.Н. Пенской и М.А. Сухотина); к «некрасовской» традиции имеет некоторое отношение, как нам представляется, и спектакль А.А. Левинского «Театр Козьмы Пруткова» (2015), редкая и удачная попытка обращения к материалу. С опытом Пруткова, видимо, связана важная для соавтора и супруги Вс. Некрасова, историка русской литературы XIX в. Анны Ивановны Журавлевой, тема «вхождения в подлое сознание», его почти лирического переживания (см. их совместную статью [1], где Прутков оказывается не предметом разговора, а, скорее, его контекстом). Но то, как Вс. Некрасов вместе с другими людьми думал о А.К. Толстом и Пруткове, – отдельная тема, требующая прежде всего мемуаров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлева А.И., Некрасов Вс.Н. М.Е. Салтыков-Щедрин и явление «вибрации фактуры» литературного героя // Журавлева А.И., Некрасов Вс.Н. Пакет. М., 1996. С. 801–806 (републикация: М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. СПб., 2013).
2. Михаил Соковнин в фотографиях Константина Доррендорфа. М.; Иерусалим, 2017. 182 с.
3. Некрасов Вс. Вариус и автор // Соковнин М.Е. Рассыпанный набор: Избранные произведения. М., 1995. С. 3–6.
4. Некрасов Вс. Из набросков воспоминаний о Соковнине // Русская драма и литературный процесс: К 75-летию А.И. Журавлевой. М., 2013. С. 154–159.
5. Некрасов Вс. <О Сатуновском>. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Rabochaya-mashinopis/O-Satunovskom
6. Некрасов Вс. <«Змей Тугарин» А.К. Толстого>. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/Zmej-Tugarin-A.K.Tolstogo
7. Некрасов Вс. <О Мандельштаме>, 1981. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/O-Mandel-shtame
8. Некрасов Вс. <Тезисы доклада о месте Хармса в русской литературной традиции>, 1987. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/Tezisy-doklada-o-meste-Harmsa-v-russkoj-literaturnoj-tradicii
9. Некрасов Вс, Журавлева А.И. <Впечатления от Всероссийского фестиваля лучших спектаклей по пьесам Островского, Кинешма>, 1989. vsevolod-nekrasov.ru/Raboty-A.I.Zhuravlevoj-i-V.N.Nekrasova-dlya-VTO/Vpechatleniya-ot-Vserossijskogo-festivalya-luchshih-spektaklej-po-p-esam-Ostrovskogo-Kineshma
10. Пенская Е.Н. Генезис пародийной маски Козьмы Пруткова в русской литературе XVIII–XIX вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989. 215 с.

11. *Пенская Е.Н.* Проблемы альтернативных путей в русской литературе: Поэтика абсурда в творчестве А.К. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.В. Сухово-Кобылина. М., 2000. 308 с.
12. *Сухотин М.А.* Два Дон Жуана. www.vavilon.ru/textonly/issue7/sukhotin.htm (дата обращения: 01.06.2017). На сайте статья не датирована (середина 1990-х?).
13. *Сухотин М.А.* Жадные грачи (О работе графа А.К. Толстого с литературным образцом), 1999. www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/Grachi.html
14. *Соковнин М.* Проза и стихи. Вологда, 2012. 336 с. + 4 л. ил.
15. *Сергеев Андрей.* Изгнание бесов. М., 2000. 144 с.

REFERENCES

1. Zhuravleva A.I., Nekrasov Vs.N. Mikhail Saltykov-Shchedrin and the Phenomenon of “Vibration of Texture” of a Literary Hero. In: Zhuravleva A.I., Nekrasov Vs.N. The Packet. Moscow. 1996, pp. 801–806. (Republishing: M.E. Saltykov-Shhedrin: pro et contra. St.-Petersburg. 2013.)
2. Mikhail Sokovnin in the Photographs of Constantine Dorrendorf. Moscow; Jerusalem. 2017. 182 p.
3. Nekrasov Vs. Varius and the Author. In: Sokovnin M.E. The Scattered Set: The Selected Works. Moscow. 1995, pp. 3–6.
4. Nekrasov Vs. From the Drafts of the Memoirs about Sokovnin. In: The Russian Plays and Literary Process: To the 75th Birthday of A.I. Zhuravleva. Moscow. 2013, pp. 154–159.
5. Nekrasov Vs. <On Satunovsky>. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Rabochaya-mashinopis/O-Satunovskom
6. Nekrasov Vs. <A.K. Tolstoy’s “Zmej Tugarin”>. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/Zmej-Tugarin-A.K.Tolstogo
7. Nekrasov Vs. <On Mandelshtam>, 1981. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/O-Mandel-shtame
8. Nekrasov Vs. <The Thesis of the Report on the Place of Kharms in the Russian Literary Tradition>, 1987. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/Tezisy-doklada-o-meste-Harmsa-v-russkoj-literaturnoj-tradicii
9. Nekrasov Vs., Zhuravleva A.I. <Impressions of the National Ostrovsky Festival, Kineshma>, 1989. vsevolod-nekrasov.ru/Raboty-A.I.ZHuravlevoj-i-V.N.Nekrasova-dlya-VTO/Vpechatleniya-ot-Vserossijskogo-festivalya-luchshih-spektaklej-po-p-esam-Ostrovskogo-Kineshma
10. Penskaja E.N. (1989) The Genesis of the Kozma Prutkov Parody Mask in the Russian Literature of the 18–19th c.: Thesis. Moscow. 215 p.
11. Penskaja E.N. (2000) On Alternative Ways in Russian Literature: Poetics of the Absurd in the Work of A.K. Tolstoy, M.E. Saltykov-Schedrin and A.V. Sukhovo-Kobylin. Moscow. 308 p.
12. Sukhotin M.A. Two Don Juans. www.vavilon.ru/textonly/issue7/sukhotin.htm (date of access: 01.06.2017). On the site the article is not dated (mid-1990-ies?).
13. Sukhotin M.A. Greedy Rooks (On the Work of Count A.K. Tolstoy with a Literary Sample), 1999. www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/Grachi.html
14. Sokovnin M. (2012) Prose and Verses. Vologda. 336 p.; 4 ill.
15. Sergeev Andrej. (2000) The Exorcism. Moscow. 144 p.

Сведения об авторе:

Галина Владимировна Зыкова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Galina V. Zykova
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
gzykova@mail.ru